

Теория и методология

С приходом к власти в КНР команды Си Цзиньпина вопросы активизации роли и влияния Китая на мировой арене, упрочения им лидерских позиций не только в глобальной экономике, но, прежде всего, в международной политической системе вышли на первый план.

Одной из концептуальных основ такого сдвига можно считать разработанную в китайской политологической среде теорию «морального реализма», призванную узаконить претензии КНР на роль универсального глобального лидера. Ее ключевые положения были изложены в вышедшей в свет в 2015 г. монографии известного китайского политолога Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы».

Обосновывая в ней претензию Китая на место одной из ведущих мировых держав, автор делает упор на то, что данная теория – отнюдь не новое скороспелое «изобретение» современных китайских политиков и ученых, а результат естественного развития творческого процесса, начало которому было положено в трудах отечественных стратегов, мыслителей и философов древности.

В этом номере мы публикуем реферат первой главы упомянутой книги Янь Сюэтуна и комментарии к ней известного российского китаеведа, доктора политических наук В.Е. Петровского.

Теоретические принципы морального реализма (реферат первой главы монографии Янь Сюэтуна «Смещение мировой силы»)

Если у вас большая страна, но бесполовая политика, то это ограничит ее влияние; если у вас маленькая страна, но компетентная политика, то это приведет к развитию.

Из древнекитайского трактата «Гуань-цзы»

Проблема трансформации «мирового центра силы» и замещения возвышающейся страной ведущей мировой державы в результате достижения большего, чем у последней, потенциала политического лидерства, является ключевой для теории морального реализма. В определенной степени допускается применение данной модели и к испытывающим внешнеполитическое давление слабым государствам. В условиях принятия политического руководства в качестве независимой переменной, в данной главе ставится задача научного обоснования концепции и доказательства ее принадлежности к школе реализма.

В первом разделе автор доказывает ошибочность существующего в среде критиков и сторонников реализма его понимания как теории, отрицающей нравственность. Опровергаются проводимые Дж. Миршаймером аналогии между американской полити-

кой морального превосходства и предлагаемой автором концепцией. Доказательная база опирается на фундаментальный труд Г. Моргентау «Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир». Моргентау говорит, что, несмотря на существенное влияние человеческого фактора при принятии внешнеполитических решений и неоспоримую позитивную роль морали, ее переоценка и использование в качестве основания для действий на международной арене, в частности военных, является ошибкой.

Два из шести принципов реализма утверждают, что, во-первых, применение моральных принципов должно быть оправдано конкретной ситуацией, а во-вторых, между национальными и международными нравственными законами отсутствует знак равенства. Это следствие существования в политической реальности дилеммы морального выбора, возникающей в результате конфликта национальных и общечеловеческих интересов при одновременно усиливающемся доминировании первых, чем и объясняется возникновение Первой мировой войны. Из этого вытекает необходимость следовать истинной, универсальной морали, а не навязывать ложные, лишь выдаваемые за международные, национальные ценности.

В виде иллюстрации приводится многолетняя практика США по разжиганию конфликтов во имя защиты «прав человека». Этим проявлением «христианского прозелитизма» автор объясняет неспособность американских теоретиков международных отношений, в том числе Миршаймера, увидеть невозможность распространения ценностей путем их навязывания. Реализацией истинной международной морали, к которой относятся, например, справедливость, правосудие, цивилизация и честность, является демонстрация ее применения на собственном примере. Эти воззрения присущи конфуцианской культуре Китая, основанной на идее отсутствия необходимости принуждения.

Однако Моргентау не рассматривает взаимосвязь между следованием универсальной морали, повышением реальной силы и авторитета государства, а также потенциалом его влияния на эволюцию международных правил. Это подчеркивает особую роль морального реализма, который не просто оценивает мораль, но исследует ее роль в развитии обществ. Для доказательства наличия взаимосвязи между моралью и такими базовыми категориями реализма как власть, сила и интерес автор обращается к определению этих понятий.

Китайский язык проводит четкое семантическое разграничение: власть — это влияние, а сила — это способность его осуществлять. Многозначность же английского слова «power», которое обозначает и «власть» и «силу», вынудила Моргентау использовать «power» как «власть», а «elements of power» как «силу». Это привело к путанице, поскольку второе можно было понять и как «компоненты власти», и как «средства ее достижения».

Национальный интерес может присутствовать в сферах политики, безопасности, экономики, культуры, достижение влияния в которых является его основной составляющей. Следовательно, с точки зрения морального реализма власть — есть интерес. У Моргентау понятие интереса определяется властью, то есть само через себя. Это помешало ему увидеть прямую их связь с моралью.

Под инструментом реализации интереса моральный реализм подразумевает силу, состоящую из материальных и нематериальных ресурсов. Общая сила определяет верхние и нижние границы национального интереса и включает четыре группы элементов: политические, культурные, военные и экономические (последние три — ресурсы, используемые действиями политического компонента). Верхняя граница — это стандарт для действий государства во избежание нерационального преследования недостижимых целей. Так, растущая сила возвышающейся страны определяет расширение круга ее интересов на международной арене и вызывает стремление к перераспределению власти. Такой державой является КНР.

В свою очередь, более скромные возможности региональной державы сужают круг ее интересов. Так произошло с РФ после распада СССР. В качестве аргумента приводится факт корректировки правительством США поставленной после терактов 11 сентября 2001 г. цели полного искоренения терроризма в мире в результате осознания ее невыполнимости и невыгодности. Нижний предел — это граница фундаментальных интересов, осознание которой позволяет избежать конфронтации. Так, Япония смогла бы избежать обострения ситуации вокруг островов Дяюйдао в 2012 г. и своего политического поражения.

Под моралью подразумеваются получившие почти повсеместное признание (благодаря своей относительной нетребовательности) базовые стандарты, которые не меняются на протяжении истории, такие как соблюдение договоров, личная неприкосновенность посланников, возвращение долгов, оказание почестей главам государств и др. Моральные нормы высокого уровня обладают меньшим общественным влиянием, поскольку не все страны имеют возможность им следовать (оказывать экономическую помощь, например).

Отношения «мораль — власть» строятся по двум сценариям. Степень соблюдения морали приводит к повышению или понижению легитимности и авторитета страны. Но это не обязательно сказывается на изменении ее силы. Так, законное сопротивление Палестины строительству израильских поселений легитимно в глазах международного сообщества, но это не дало ей реальный прирост силы. А визит японского премьер-министра в храм Ясукуни, вызвавший осуждение со стороны стран, подвергшихся японской агрессии годы Второй мировой войны, так и не сократил потенциал японского военного строительства. Однако следование международным моральным нормам влияет на мобилизационные возможности страны во внутренней и внешней политике, которые могут преобразовываться в материальную силу. Примером служит реальная военная поддержка международным сообществом американской операции против Ирака в 1990 году. Таким образом, независимо от влияния на реальную силу, мораль влияет на относительный потенциал.

Моральный реализм не принимает во внимание отношения «мораль — сила» лишь в контексте безопасности, поскольку наличие интереса зависит от выживания государства. В вопросах перераспределения силы, более насущных для лидера и возвышающейся страны, стратегическая репутация играет решающую роль. В соответствии с суждениями Сюнь-цзы, моральный реализм полагает, что честное соблюдение морали формирует стратегическую репутацию, обеспечивая добровольное признание и рост авторитета страны, без которых стабильность ее мирового лидерства невозможна. Авторитет — это способность лидировать на основе доверия. Его нельзя путать с властью — способностью лидировать на основе принуждения. Так, «мировая полиция» (США) обладает большой властью, но постепенно теряет авторитет, начиная с момента выхода из ключевого для сохранения мира Договора по ПРО и отмены санкций против Индии, введенных в ответ на испытания ядерного оружия. Снижение стратегической репутации, сопровождаемое падением кредитных рейтингов, было усилено фальсификацией данных об оружии массового уничтожения в Ираке (2003 г.), финансовым кризисом (2008 г.) и отсутствием поддержки Египта со стороны США во время «арабской весны» (2011 г.).

Во втором разделе главы приведена теоретическая аргументация морального реализма, построенная на основных тезисах классической школы реализма с использованием вышеупомянутых понятий.

Аргумент 1. Интерес — основная движущая сила не только для действий государства, но и для эволюции международных норм. Преследование собственных интересов является врожденным и первично для всех людей и возглавляемых ими государств. Вторичное влияние на их действия оказывают приобретенные в разных условиях убеждения и привычки следования общественным нормам. Так объясняется различная поли-

тика американских администраций Клинтона и Буша по вопросу о выходе из Договора по ПРО. Убеждения влияют не на сами интересы или стремление к их осуществлению, но лишь на расстановку приоритетов и выбор методов реализации. В отличие от конструктивизма моральный реализм рассматривает национальные интересы как объективные, а не формируемые общественной средой. Если государство заинтересовано в долгосрочном закреплении определенного миропорядка, то ему необходимо создать соответствующие международные нормы и закрепить их сохранность наличием военной силы, готовой ее обеспечить. Эволюция норм зависит от соотношения их пользы и вреда для обладающего необходимым потенциалом государства. Так, сдерживающие лидера, но выгодные ему нормы выполняют функции поддержания стабильности международного порядка и снижения затрат на ее обеспечение. В противном случае государство выступает за их изменение. Иллюстрацией этого является замена Соединенными Штатами ранее отстаиваемого ими принципа свободной торговли на принцип справедливой торговли после мирового кризиса и принятия мер к снижению роли ВТО.

Аргумент 2. В условиях анархии государства выполняют различные роли и имеют различные опции стратегического выбора для обеспечения собственной безопасности. В международных отношениях нет военного монополиста и гаранта безопасности. Каждый стремится обеспечить свое выживание. Однако, в отличие от конструктивистского реализма, моральное течение отрицает уравнивание различных государств в их роли на международной арене, указывая на объективные различия в типах стран, их статусе, военных технологиях и в создаваемых международных нормах. Таким образом, Ватикан является лидером в определении правил католического мира, а США имеют решающее влияние на формирование иного рода норм. Упомянутая древнекитайская типология доминирующих государств по Сюнь-цзы позволяет объяснить разницу в международных нормах разных эпох. Основанные на грубой силе европейские колониальные государства оправдывали аннексии, которые были запрещены в послевоенную биполярную эпоху гегемонизма СССР и США. В контрасте с положениями наступательного реализма агрессия рассматривается как распространённый, но не единственный инструмент расширения власти. Вышеупомянутые различия диктуют различный набор опций. Европейские державы использовали колонизацию, нацистские режимы — аннексию, гегемоны — стратегию войн через посредников. Более того, некоторые страны делегируют функции безопасности за невозможностью их выполнять. Иллюстрация — Япония, чье нынешнее руководство стремится к возвращению былой военной независимости.

Аргумент 3. Игра с нулевой суммой во властных отношениях приводит к структурным противоречиям и системному давлению на возвышающуюся страну. Власть есть отношения контроля и подконтрольности, увеличение ее с одной стороны ведет к уменьшению с другой. Моральный реализм признает, что в процессе изменения разрыва в комплексных силовых потенциалах лидера и возвышающейся страны последняя, несмотря на сопротивление первой, начинает требовать уступок власти в ее пользу и пытается изменить соответствующую мировую властную систему, что выражается в структурных противоречиях. Пример — Германия и Великобритания в 30–40-е гг. XX века. Причем по мере возвышения и расширения сферы интересов страна сталкивается с растущими рисками угроз безопасности и системного сопротивления, что сравнимо по проявлениям с третьим законом Ньютона. Иллюстрацией являются «теория ответственности Китая», появившаяся и расширенная после Олимпиады 2008 г. в Пекине, и опережение КНР по объемам ВВП Японии.

Аргумент 4. Изменения политической силы могут смещать баланс сил. Различная скорость развития силы стран мира влияет на его силовую структуру и расположение центров силы. Моральный реализм, признавая координирующую и, как следствие, решающую роль политики в распределении ресурсов, которые сами по себе бесполезны, уточняет, что лидерский потенциал государства определяет рост его общей реальной си-

лы. Так, рост военной, экономической и культурной силы США в 2003–2006 гг. сопровождался снижением комплексной мощи на фоне ошибок политического руководства. Предлагается функция зависимости комплексной мощи от политической силы и суммарного ресурсного потенциала, что в математическом выражении будет представлять формулу со знаком умножения. Этим утверждением автор объясняет выбор в качестве эпиграфа данной главы изречения Гуань-цзы относительно влияния на развитие страны не столько ее размера, сколько степени компетентности ее политического руководства. Моральный реализм утверждает также, что от политического руководства страны зависит степень надежности создаваемых ею альянсов, а следовательно, наличие союзников и изменения в международной обстановке. Так, трансформация биполярности в однополярность стала возможной, в том числе, из-за потери СССР, возглавлявшего ранее Организацию Варшавского договора, большого числа союзников. Стратегическая репутация главы альянса имеет решающее значение. При этом полный отказ от использования силы аморален, так как не позволяет защитить интересы малых и средних стран.

Третий раздел главы посвящен объяснению феномена победы слабого над сильным, который моральный реализм признает возможным при наличии у первого качеств политического лидера. Это объясняется тем, что стратегический выбор страны основывается на двух факторах. Во-первых, на объективных интересах, которые определяются ее комплексной мощью. Во-вторых, на убеждениях ее лидеров касательно приоритетности и методов достижения этих интересов, которые, в свою очередь, основаны на типах лидерства, стратегическом престиже, международных нормах и международном порядке, а также на взаимосвязях между ними. Между политическим лидерством и комплексной силой существует внутренняя взаимосвязь, но в целях анализа они принимаются за независимые. Комплексная сила рассматривается в качестве объективного и неизменного фактора, а типы лидерства в качестве переменной, оказывающей субъективное воздействие на комплексную силу. Политическое лидерство носит коллективный характер, но подразумевается доминирование точки зрения руководящего индивида. Для определения интересов предлагается типология государств, основанная на этих двух критериях.

На основе критерия относительного силового потенциала выделяются четыре типа государств. Во-первых, лидирующая страна, способная оказывать решающее воздействие на независимую международную систему (проведена аналогия с древнекитайской системой, в которой в разное время доминировали различные государства). Во-вторых, возвышающаяся страна, которая приближается по силовому потенциалу к лидирующей стране и делит с ней международное лидерство (примеры — СССР в 1950-е годы и современный Китай). В-третьих, два типа региональных держав, независимых в пределах региона: главные (Германия и Бразилия) и вторичные (Индия или ЮАР). В-четвертых, маленькие страны, не имеющие влияния в своем регионе. Лидирующая страна и возвышающаяся страна видят свой главный стратегический интерес в получении мировой власти, региональная держава — власти в рамках региональной системы, а интерес маленькой страны сводится к выживанию.

На основе личных факторов выделяются четыре типа политических лидеров, которые могут появиться в любой стране. Во-первых, бездейственный лидер, который не имеет определенной политической цели. Во-вторых, консервативный лидер, который стремится к сохранению статус-кво и при отсутствии непосредственной военной угрозы принимает решения исходя из экономических интересов. В-третьих, активный лидер, который стремится к повышению международного авторитета своей страны, склонен нести ответственность за ошибки и пропагандировать достижения политики, принимать решения, исходя из политической выгоды. В-четвертых, воинственный лидер, который склонен принимать решения, исходя из военных соображений.

Так формируются шестнадцать предпочтений стратегического выбора. В качестве примера анализируется возвышающаяся держава, которая не может избежать дилеммы возвышения.

Лидер бездейственного типа будет склонен избегать конфронтации и пойдет на уступки вплоть до разрушения единства страны. В Китае сторонники «стратегии избегания» опираются на философию Лао-цзы.

Лидер консервативного типа примет стратегию экономического сотрудничества, призванную временно ослабить конфликт интересов и снизить системное давление. Она не позволит полностью отстраниться от дилеммы, но выполняет функцию временного снижения напряжения в отношениях с лидирующей страной. В современном Китае сторонники расширения внешнеэкономического сотрудничества в целях снижения напряженности международной ситуации исходят из того, что экономический базис определяет надстройку.

Лидер активного типа имеет склонность к стратегии заключения союзов с соседями, что приводит к росту структурных противоречий. Эта стратегия кроет в себе опасность военного противостояния и требует наличия достаточного мужества, поскольку подвергается критике как «мышление времен холодной войны». В Китае сторонники стратегии заключения союзов — реалисты, которые считают, что сегодня Китаю не хватает стратегических сторонников.

Лидер воинственного типа имеет склонность к стратегии военного расширения, получения выгод насильственным путем, что позволяет быстро достичь результатов, однако несет в себе большой риск поражения. В современном Китае люди, которые поддерживают стратегию военного расширения, основывают свои аргументы на истории эпохи европейской колонизации.

При неизменности силы государства часто наблюдается явление изменений внешнеполитической стратегии, обусловленное сменой типа лидерства. Так объясняется смена внешнеполитического курса Японии в 2011–2013 гг.: Наото Кан был руководителем консервативного типа, который стремился к экономическому сотрудничеству, а Синдзо Абэ — руководитель, чья политика диктуется воинственными интересами.

Вышеуказанные четыре типа стратегии не являются постоянными, существуют промежуточные модели. Автор оставляет открытым вопрос о вероятном стратегическом выборе руководителей промежуточного типа и объясняет отсутствие прямой взаимосвязи между стратегическим выбором и результатом зависимостью последнего от объективной стратегической ситуации.

От типа лидера зависит степень важности, которую руководство придает правилу морали, а от нее, в свою очередь, зависят соотношение сил и, как следствие, формирование и стабильность нового международного порядка. Высоко роль международной морали оценивает активный лидер. Лидер консервативного типа готов сохранить ее малой ценой, а бездейственный и воинственный руководители не придают международной стратегической репутации большого значения.

Опираясь на тезис о решающей роли политической силы и стратегической репутации, автор делает вывод о возможности изменить с их помощью баланс сил. Следовательно, баланс власти и баланс сил могут не совпадать. Престиж является значимым компонентом, наличие которого выражается в международной поддержке плана по перераспределению силы. Он поддерживается путем гарантирования безопасности для слабых стран через союзнические отношения. В качестве примера приводится поддержка создания ООН после активного оказания США помощи странам в военное время. Однако в случае с межвоенным американским изоляционизмом наблюдалась потеря стратегического престижа США, что обусловило непопулярность их проекта Международного союза.

Концепция дополняет теории многих ученых о ключевой роли возвышающейся страны в формировании международных правил. Это происходит не только потому, что имеется материальная сила для контроля за их соблюдением. Другой формой поддержания международных правил является их соблюдение самой возвышающейся страной, которая становится образцом для подражания. Отсутствие этой формы ставит под вопрос возможность долговременного поддержания международного порядка. Следовательно, международная стабильность зависит от международного престижа и от типа лидерства.

С точки зрения политических характеристик выделяются три типа международного лидерства: добродетельная власть, грубая власть и гегемония по принципу «разделяй и властвуй». Грубая держава следует природному закону выживания сильнейшего, не обладает международным престижем, что не позволяет поддерживать нормы и ускоряет ее падение. Так, династия Цинь продержалась у власти лишь 20 лет. Держава-гегемон применяет моральные принципы лишь в отношении союзников, среди которых и имеет авторитет, демонстрируя тем самым двойные стандарты. Исторический пример — царство Ци периода Чуньцю. Добродетельная держава следует нравственным нормам, основывает свои действия на существующих принципах морали и способна поддерживать международные нормы тремя способами: соблюдением, поощрением за соблюдение, наказанием за невыполнение. Такая система является оптимальной для долговременного существования. Так в истории Китая объясняется стабильность Западного Чжоу.

Моральный реализм настаивает на необходимости обладать большой материальной силой и международным престижем, поскольку отсутствие одного из компонентов не позволит реализовать стратегию долговременного лидерства. Поэтому одно лишь следование моральным нормам не приведет к результату, но даст стратегическую пользу. Оговаривается также относительность применения этого принципа для средних и малых государств, для которых важнее вопросы безопасности, игнорирующие мораль.

Таким образом, главным отличием школы морального реализма, разработанного в возвышающейся стране, от других его течений, разработанных в стране-лидере, является изучение изменения баланса сил с точки зрения приобретения влияния, а не его сохранения. Иной угол рассмотрения объекта обусловил развитие основных постулатов школы в положениях о принципах и путях перехода власти. Рассматривая изменение баланса сил, в дополнение к материальной силе теория вносит две новые переменные, влияющие на мобилизационные возможности страны в изменении мирового порядка. Во-первых, властные основы, оказывающие решающее влияние на выбор внешнеполитической стратегии возвышающейся страны. Во-вторых, стратегический престиж, возникающий в результате следования моральным нормам. Истоки школы лежат в политическом детерминизме, присущем древнекитайской философии, что позволяет развить теорию реализма глубже, нежели структурный и наступательный реализм.